

ЛІТЕРАТУРА

1. Газарова Е. Э. Психология телесности / Е. Э. Газарова. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 2002. – 192 с.
2. Кроль Л. М. Человек-оркестр: микроструктура общения / Л. М. Кроль, Е. Л. Михайлова. – М. : ТОО «Независимая фирма “Класс”», 1993. – 154 с.
3. Лоуэн А. Радость / А. Лоуэн ; [пер. с англ.]. – Минск: Попурри, 1999. – 464 с.
4. Лоуэн А. Язык тела / А. Лоуэн ; [пер. с англ.]. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 383 с.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе ; [пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова]. – М. : АСТ, 2003. – 528 с.
6. Перлз Ф. Гештальт-подход. Свидетель терапии / Ф. Перлз ; [пер. с англ. М. Папуш]. – М. : Издательство Института психотерапии, 2001. – 224 с.
7. Райх В. Функция оргазма / В. Райх ; [пер. с нем. В. Костенко]. – СПб. : Университетская книга ; М. : АСТ, 1997. – 87 с.
8. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм ; [пер. с англ.]. – М. : Республика, 1993. – 415 с.

УДК 17.032

Мухина Е. Н.

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

ДИСКУРС-АНАЛИЗ КАК МЕТОД АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье актуализируется потенциал дискурс-анализа как способа исследования социального поля, социальных метаморфоз и процесса производства пространства. В этой связи рассматриваются социально-философские теории последователей исторического материализма с одной стороны, и постструктуралистской теории дискурса с другой. Исследуется диалектическое соотношение дискурсивных и материальных социальных практик. На основе полученных результатов делается вывод о том, что дискурс-анализ обладает большим эвристическим потенциалом как один из социально-критических методов.

Ключевые слова: дискурс-анализ, дискурсивная формация, дискурсивные практики, *Gouvernementalité*, дискурсивная власть, национальный дискурс, идеология, интерпелляция, деконструкция.

У статті актуалізується потенціал дискурс-аналізу як методу дослідження соціального поля, соціальних метаморфоз і процесу виробництва простору. У зв'язку з цим розглядаються соціально-філософські теорії послідовників історичного матеріалізму з одного боку, і постструктуралістської теорії дискурсу з іншого. Досліджується діалектичне співвідношення дискурсивних і матеріальних соціальних практик. На основі отриманих результатів робиться висновок про те, що дискурс-аналіз має великий евристичний потенціал як один із соціально-критичних методів.

Ключові слова: дискурс-аналіз, дискурсивна формация, дискурсивні практики, *Gouvernementalité*, дискурсивна влада, національний дискурс, ідеологія, інтерпелляция, деконструкция.

The article actualizes the potential of discourse analysis as a way of studying the social field, social metamorphosis and the process of space production. In this connection, the socio-philosophical theories of the followers of historical materialism on the one hand, and the poststructuralist discourse theory on the other, are considered. The dialectic correlation of discursive and material social practices is investigated. Based on the results obtained, it is concluded that discourse analysis has a great heuristic potential as one of the social-critical methods.

Key words: discourse analysis, discourse formation, discursive practices, *Gouvernementalité*, discursive power, national discourse, ideology, interpellation, deconstruction.

В данной статье речь пойдет о дискурс-анализе как способе исследования социального поля и его трансформаций искусственным путем. Наша цель состоит в том, чтобы показать социально-критический потенциал дискурс-анализа для социально-философских наук. В нашем

понимании дискурс обладает социально-порождающими функциями, поэтому наше внимание будет сосредоточено главным образом на социальных процессах, которые носят искусственный характер, но кажутся вполне естественными.

Наше исследование на этом этапе будет базироваться на двух направлениях социально-философской литературы. Первое опирается на концепты Маркса, второе обращается к постструктуралистскому пониманию дискурса. Определяющей является традиция критики идеологии с ее пониманием общества, так как социальная и политическая значимость дискурсов становится понятной только тогда, когда будет раскрыто, из каких социальных практик они исходят и какие властные отношения поддерживают. Сильную сторону постструктуралистского понимания дискурса мы видим в его сфокусированности на форме дискурсов и их правилах. Данное исследование не претендует на примирение этих двух традиций с их многочисленными, в некоторых аспектах фундаментальными различиями. Речь скорее идет о том, чтобы найти в обеих традициях аргументы для подтверждения того, что общество является по большей части искусственным продуктом властных отношений.

Наш интерес к дискурс-анализу как способу социальных трансформаций исходит из того, что он анализирует сказанное и написанное (дискурсивные практики) как выражение и способ отношений между социальными силами, в которых отражаются отношения господства и власти, и посредством которых эти отношения могут производиться, стабилизироваться, консервироваться или изменяться. В этом смысле дискурс-анализ понимается не как чистый анализ языка, но как проект критики власти, как способ социального исследования. Так понимаемый дискурс-анализ может обрести свой эвристический потенциал только в контексте общественных отношений, в которых и порождаются исследуемые дискурсы. Дискурс-анализ обладает большим и еще в значительной степени нереализованным потенциалом для исследования роли идеологического дискурса в процессе господствующего производства пространства и роли этого производства пространства для поддержания и воспроизводства господствующего дискурса. Таким образом, данный метод является не просто лингвистическим, но, прежде всего, социально-критическим проектом.

Такой подход предполагает совершенно особое понимание дискурса. Здесь дискурс понимается не идеалистически. Это значит, что социальный мир не может быть редуцирован к чистому тексту – ни теоретически, ни методологически (анализ языка не является привилегированным доступом к социальному, как предполагает практика дискурс-анализа). Дискурс здесь понимается как серия правил производства высказываний, которая находится в диалектических отношениях с материальными основами пространственного и социального производства и воспроизводства, способствуя поддержанию господствующих социальных и пространственных порядков. Дискурс-анализ как инструмент критического исследования общества может использоваться как дополнение к текущим материалистическим теориям производства пространства, эксплицировать связи между дискурсивными и материальными (недискурсивными) социальными формами, которые (вос)производят господство, а также социальное и пространственное неравенство.

Дискурс как социальная форма, исследуемая дискурс-анализом

В дискурсе отражаются социальные отношения, которые производятся и воспроизводятся посредством социальных практик. Это значит, что противоречия и властные различия, посредством которых определяются социальные отношения, снова находят себя в дискурсе – в языковой форме. Другими словами, дискурсы – это отлитые в языковой форме социальные практики. Посредством регулярного повторения эти застывшие в своей форме дискурсы могут стать настолько самостоятельными, что абстрагируются от своих социальных истоков, которые забываются, а затем принимаются в качестве общих законов. Дискурс-анализ как социо-анализ пытается раскрыть забытое отношение между абстрактными социальными и языковыми формами (то есть дискурсами) и конкретными социальными и языковыми практиками, от которых и происходят эти формы. В таком дискурс-анализе речь не идет о «языке» или о «дискурсе» как таковых, но о формах аргументации, системах высказываний, дискурсивных формациях, которые являются выражением конкретных социальных отношений и, следовательно, отражаются в структурах языка. Таким образом, нет необходимости в теории дискурса, но скорее в теории общества, которая может объяснить отношения власти и функцию

дискурса при (вос)произведении конкретных социальных отношений. Анализ должен снова установить утраченную посредством абстрагирования связь дискурсов с социальными и языковыми практиками, и тем самым сделать явными властные отношения, которые и структурируют дискурсы. Таким образом, дискурс-анализ как социо-анализ выявляет историческое становление забытых дискурсивных и социальных правил и тем самым ставит под вопрос социальные отношения.

Понимание дискурсов как отражения социальных отношений можно проиллюстрировать на примере национального дискурса. Каждой нации присущи определенные история, мифы, традиции и символы, то есть вещи, которые или существуют в языке, или получают смысл только через значение, которое им приписывается посредством языка. Эти дискурсы позволяют нации появиться как нечто, что уже существует вечно и чье основание теряется где-то в глубине мифов древности. При этом забывается то, что национальные дискурсы в современном смысле существуют только с Нового времени [2]. В них вписаны социальные отношения нации, чье ядро можно распознать только тогда, когда письмо и язык нации исследуется в контексте социальных отношений, из которых они возникают. Дискурсы становятся национальной историей или национальными мифами, поскольку они относятся к (существующему, бывшему или будущему) национальному государству, к идеологическому оснащению которого они принадлежат и как социальные отношения [18, с. 14] выходят за пределы чисто языкового уровня, включая в себя валюту и правовую систему (в ее материализации в государственных компаниях и тюрьмах), армию и систему правоохранительных органов. Исследование производства национальной истории, национальной символики и традиций может много рассказать о социальных отношениях, в которых и для господства над которыми они производится. Дискурсы о национальной истории или единообразной национальной культуре и связанные с ними дискурсивные практики, как традиции и обычаи, существуют только потому, что они идеологически поддерживают отношения господства или властные отношения в национальном государстве, заставляют молчать о различиях между членами одной нации, но не о различиях с другими нациями.

Диалектические отношения поддержки дискурсивных и социальных практик и норм

Социальный мир конституируют определенные дискурсивные практики, которые в свою очередь конституируются определенными социальными материальными (недискурсивными) практиками. Властвующая, социально произведенная форма, которую принимают дискурсивные практики посредством повторения и абстрагирования, определяется как дискурс. При этом дискурсивные и социальные практики состоят с социальными формами и дискурсивными формациями в диалектических отношениях «взаимной поддержки и обусловливания» [14, с. 265]. «Дискурсивное конституирование общества не исходит из свободной игры идей в головах народа, но от социальной практики, прочно укорененной и ориентированной на реальность» [12, с. 66]. Дискурс-анализ всегда исходит из общественных отношений и рассматривает дискурсы как системы правил для поддержания определенных общественных рациональностей в системе взаимной поддержки. Его цель – исследование, консервирование или трансформация основы, модусов и функций производства именно этой системы правил.

Относительно примера национального дискурса считается, что индивиды, как национально определенные дискурсивными практиками должны находиться в контексте общественных отношений, в которых они появляются, то есть нации. Если в СМИ – как в политической части, так и в спортивных событиях – или в повседневных разговорах говорится о «мы», если имеются в виду члены собственной нации [11, с. 56], то это следует понимать только в контексте одновременно гомогенизирующей и исключаяющей других социальной формы нации как отношения господства. В подобных дискурсах нации представляются как внутренне культурно гомогенные, в отличие от других наций, представляющихся очень отличными. Но это представление нации производится не только посредством дискурса, например, путем обращения к «мы» как представителям одной нации. Роль национального дискурса становится более ясной, прежде всего, в контексте материальных (недискурсивных) социальных практик, как например, регулируемое законом исключение иностранцев из определенных практик и постоянно проводимые посредством государственного аппарата

гомогенизуючі національну культуру і виключаючі інші культурні практики: наприклад, шкільне виховання і підтримка державою впровадження елементів етнічної культури в повсякденне життя суспільства. Національний дискурс не може бути понятим без звернення до способів функціонування властних відносин в суспільстві. Державні знамена, спів гімнів, звернення до читачів або глядачів як до «ми, ... (члени певної нації)» або інші матеріальні недискурсивні практики підтримуються дискурсом, що є основою для виробництва «національного єдності», виключаючого і маргіналізуючого «чужих» і «іноземців».

Дискурс як і соціальні відносини не є природними, на даний момент самі по собі. Вони виробляються і репродуцуються за допомогою регулярного повторення і постійно здійснюваного абстрагування від їх конкретного практичного виробництва. Так відбувається матеріалізація, або овещівлення, дискурсивних і соціальних практик. Під матеріалізацією слід розуміти «момент в процесі відчуження, в якому характеристика матеріальності (вещності) стає стандартом об'єктивної реальності» [10, с. 200], при чому відчуження розуміється як «процес, при якому руйнується єдність виробництва і виробленої продукції» [10, с. 200]. Цей процес відчуження може відбуватися як за допомогою матеріальних, так і дискурсивних практик через регулярне повторення і абстрагування від конкретного процесу виробництва.

Для того щоб зрозуміти відносини між абстрактною мовною формою (наприклад, національний дискурс) і соціальною формою (наприклад, національна держава), потрібно дослідити соціальні і мовні практики, які ці форми щодня в день виробляють і утверджують. Це означає, що дискурс-аналіз досліджує практику виробництва тексту, в якій «руйнується єдність виробництва і виробленого» [10, с. 200]. Його завдання полягає в тому, щоб виробити правила, які структурують ці конкретні практики. Тільки тоді стає очевидним, що соціальні і дискурсивні практики не є вичерпно фіксованими структурами, але змінюються під впливом динаміки соціальних і мовних практик – саме це і відбувається постійно. Вихідною точкою є, таким чином, соціальні і дискурсивні практики, за допомогою яких можуть вироблятися, виробляються і змінюються суспільні відносини.

Для того щоб ближче підійти до розуміння влади ідеологічного дискурсу, необхідно вирішити наступні завдання. По-перше – чітко визначити поняття соціальних і дискурсивних практик, поняття соціальної форми і дискурсивної формації. Далі – дослідити властні діалектичні відносини підтримки цих чотирьох понять, яке Фуко визначає як *Gouvernementalité*.

Соціальні і дискурсивні практики

Головним для основи на ідеях Маркса історичного матеріалізму є практика, а саме «людська діяльність (історія – дух) в її конкретності, безперервно пов'язана з певною організованою (історизованою) «матерією», з природою, перетвореною людиною. Філософія дії (практики, розвитку), але не «чистої» дії, а саме дії «нечистої», реальної, в самому грубому і світському сенсі слова» [3, с. 50]. Суспільство і створюється, виробляється за допомогою цих практик, в тому числі і практик мовних, при цьому не індивідуально, але в діалектичній взаємозв'язі: «Практика, по-перше, є актом, діалектичним відношенням між природою і людиною, речовиною і свідомістю» [16, с. 40]. Аналіз сказаного і написаного представляється одним з основних підходів при дослідженні суспільства і соціального простору – саме тому, що дискурси виробляються суспільством, тому що вони є влиті в мову застиглої соціальної форми, повної абстракцій конкретних суспільних відносин.

Для того щоб зрозуміти, як нерівні соціальні відносини приводяться до однієї гегемоністської форми, слід дослідити соціальні форми і дискурсивні формації як абстрактні форми соціальних і дискурсивних практик, а також встановити відносини між ними.

Соціальна форма

Общественные противоречия поддаются изменениям благодаря общественным нормам. В анализе формы стоимости Маркс в «Капитале» показывает, как функционируют противоречия между стоимостью и прибавочной стоимостью, и заключает: «Мы видели, что процесс обмена товаров включает в себе противоречащие и исключают друг друга отношения. Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия [5, с. 113]. Аналогично этому Пашуканис сделал вывод о том, что «спор, конфликт интересов, <...> создают <...> правовую форму» [17, с. 69]. На основании выводов, прежде всего Пашуканиса, материалистическая теория государства имеет дело с политической формой капитализма, с государством как особой инстанцией, которая, по всей видимости, постоянно организует и осуществляет свое правление вне интересов индивида. Мышление и говорение об этих фундаментальных социальных формах остается из-за их «фетишистского характера» [5, с. 85] обычно на поверхности, как это происходит в «объективных формах мышления» [5, с. 90], которые кажутся квази-естественными.

То же самое происходит и с дискурсами, в которых материализуются, или воплощаются, социальные и произведенные посредством практик отношения. Поскольку социальные формы одновременно являются результатом социальной практики, они «обеспечивают репродукцию общества за спиной, но посредством деятельности индивидуальных акторов» [15, с. 40]. Их исследование требует идеологетика, то есть критика самоочевидных предположений об обществе, которые самостоятельно возникают из социальных отношений, и для чьего воспроизведения являются необходимыми.

Как уже было озвучено выше, национальные дискурсы поддерживают искусственно установленное национальное единство путем замалчивания различий внутри нации. «Воображаемая общность» [2] нации является специфической социальной формой с соответствующей дискурсивной формацией, социальные противоречия которой вполне поддаются обработке. Это происходит посредством того, что различие, а именно между членами нации и иностранцами, ставится выше всех других различий. «Форме нации» [9, с. 111] удается подчинить себе социально производимые различия между мужчиной и женщиной, господином и рабом, капиталом и трудом, «так что в конечном итоге превалирует символическое различие между “нами” и “другими” и переживается как нередуцируемое» [9, с. 116].

Идеология – господствующая дискурсивная формация

В данном контексте термин «идеология» может быть определен более конкретно. А именно как дискурсивная формация или свод правил, который делает возможным и регулирует появление определенных высказываний, при этом исключает другие высказывания. Посредством этого свода правил регулируются содержания высказываемого о форме дискурса. «Если между определенным количеством высказываний мы можем описать подобную систему рассеиваний, то между субъектами, типами высказываний, концептами, тематическим выбором, мы можем выделить закономерности (порядок, соотношения, позиции, функционирование и трансформации). Можно сказать, что мы имеем дело с дискурсивными формациями <...>. Условия, которыми обуславливаются элементы подобного распределения <...>, назовем правилами формации – правилами применения (но вместе с тем и существования, удержания, изменения и исчезновения) в перераспределении дискурсивных данных» [8, с. 22]. Эти правила, которые структурируют практику говорения, производятся обществом, в них проявляют себя конкретные общественные отношения. Поскольку дискурсы всегда возникают из поддающихся анализу оснований (то есть из определенных общественных отношений), они всегда определяются конкретными интересами, целями, формами обработки социальных противоречий и т. д., а также находятся в тесной связи с конкретными практиками. При использовании в качестве ограничения дискурсы кажутся идеологически нейтральными, действуют как нередуцируемая часть действительности. Они кажутся независимыми от социальных практик, но фактически являются их результатом. Таким образом, дискурсы и идеологии не могут пониматься как оторванная от общественных отношений надстройка, а только как абстрагированные, ставшие объективными социальные формы, чью генеалогию из

конкретных общественных отношений можно заново «открыть» посредством критики идеологии и дискурс-анализа как социо-анализа.

Согласно Марксу и Энгельсу, в идеологии «люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре» [7, с. 41]. Этой метафорой они обозначают кажущееся отделение мышления от конкретной социальной практики, как это происходит на определенной стадии разделения труда. Так как, хотя «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей» [7, с. 40], создается видимость их отделения и самостоятельности. Знаменитая фраза Маркса «Не сознание людей определяет их бытие, а их общественное бытие определяет их сознание» [6, с. 9], не должна истолковываться механистически. Решающим фактором является прилагательное «общественное». В каждом конкретном обществе идеологии возникают либо как результат специфической деятельности идеологов, чья цель состоит в том, чтобы «представить свой интерес как общий интерес всех членов общества» [7, с. 65], то есть как заведомую ложь, чтобы скрыть существующие властные отношения; либо как фетиши социальных форм, «за спиной, но посредством деятельности индивидуальных акторов» [15, с. 40], без их умышленного вмешательства.

Функцией идеологического дискурса, таким образом, является воспроизведение общественных отношений, несмотря на их внутренние противоречия. Идеологические дискурсы способны воспроизводить и стабилизировать асимметричные властные отношения и при этом производить согласие с этим неравенством среди тех, на ком оно отрицательно сказывается. Это соотношение Грамши обозначил как проблему «гегемонии», которую гарантирует добровольное содействие угнетенных, и которая производится в гражданском обществе, понимаемом как расширенное государство. Следовательно, справедливо равенство: «Государство = политическое общество + гражданское общество, иначе говоря, государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения» [3, с. 359].

Принимая во внимание это понимание гегемонии, Альтюссер придал понятию «идеология» особый смысл. Он обозначает им способ функционирования, посредством которого из конкретных людей конституируются «индивиды» и «субъекты» в современном смысле: «категория субъекта является конститутивной для всякой идеологии только потому, что (определяющая) функция всякой идеологии – “конституировать” конкретных индивидуумов в субъектов» [1, с. 25]. Идеология, таким образом, не является первичной, как полагают индивиды, но «всегда существует в некоем аппарате, в его практической деятельности или практиках» [1, с. 22], причем аппараты являются составными частями расширенного государства. Таким образом, для Альтюссера идеология является результатом совокупности практик расширенного государства, которая превращает индивидов в субъектов. Этот механизм он обозначает как «обращение (интерпелляция) субъекта» и иллюстрирует на следующем примере: в момент, когда на обращение полицейского «Эй, вы, там!» [1, с. 26] индивид поворачивается, он становится субъектом, «потому что он признает, что обращение адресовано “именно” ему» [1, с. 26]. Результатом многочисленных интерпелляций являются субъекты, которые как таковые представляют собой эффекты государственных практик.

Если с помощью интерпелляций со стороны государственных аппаратов из массы индивидов вербуются субъекты, или индивиды трансформируются в субъектов, то этот процесс весь пронизан властью: «Субъекты существуют только в подчинении и ради их подчинения» [1, с. 31]. Ядром гегемонии, которое производится таким способом, является не прямое господство над субъектом, но тот факт, что субъект конституируется только в практиках власти. Эта идея Альтюссера критиковалась и критикуется потому, что трудно объяснить, почему индивиды позволяют интерпеллировать себя как субъекты, что у этого процесса есть естественные корни – данная теория онтологизирует опыт подчинения. Поэтому важно исследовать то, как субъекты производятся в смысле Альтюссера посредством специфической, обладающей определенным содержанием интерпелляции – как школьники, рабочие, правонарушители – в рамках соответствующих процессов господства – школьного образования, оплачиваемой работы, работы полиции.

В связи с интерпелляцией, дискурсом и социальными структурами следует обновить наш пример с нацией. Насколько больше нация становится господствующим нарративом и, вместе с тем, идеологически воспринимаемой социальной формой, становится очевидным при

попытке думать и действовать за пределами национальных гомогенизаций и исключений. Это очень отчетливо можно видеть в ситуации с заключенными тюрьмы Гуантанамо, которые были интерпеллированы в качестве «воюющих врагов», чтобы запретить им интерпелляцию в качестве граждан государства или субъектов международного права. Эта практика позволяет отказать им в статусе субъекта международного или гражданского права и приводит к тому, что заключенные содержатся ни согласно национальному праву, ни согласно Женевской конвенции, но активно редуцированы к «голой жизни» (Агамбен).

В то же время критика этой ситуации действительно возможна и практикуется: заключенные интерпеллируются критиками Гуантанамо как субъекты с учетом прав человека. В контексте модели Альтюссера это интерпретируется как интерпелляция посредством аппаратов прав человека (НГО), чья деятельность направлена против редуцирования заключенных до врагов или «голой жизни». Но почему такая интерпелляция возможна и почему она инициируется индивидами или субъектами, не может быть объяснено в рамках теории Альтюссера. Особенно учитывая тот факт, что аппараты прав человека (в частности посредством ООН) базируются на аппаратах национальных государств. Противоречия между различными аппаратами не могут быть содержательно тематизированы на основе концепта интерпелляции, согласно которому все государственные интерпелляции в любом случае означают подчинение, порабощение.

Пулансас в свете теории Альтюссера определяет государство как «материальную концентрацию отношения власти между классами и классовыми фракциями» [18, с. 159], чьими интересами является кристаллизация в «аппаратах соответствующей формы» [18, с. 162]. Анализ, удовлетворяющийся только тем, что субъект конституируется посредством практик и дискурсов и поэтому порабощается, без исследования того, в каких социальных контекстах, практиках и дискурсах это происходит и в чьих интересах порабощение принимает свое конкретное содержание, рискует разрушить «единство производства и производимого», то есть утверждать субъекта в качестве производимого и одновременно его материализовать (овеществлять) посредством абстрагирования от конкретного процесса его производства. Ссылаясь на эту теорию, не может быть объяснено, почему и как была создана система Гуантанамо в государственном аппарате США и посредством этого аппарата. Но такая задача разрешима для дискурс-анализа как социо-анализа, который исследует дискурсы «безопасности», «терроризма» и «врага», гегемония которых после 9/11 при обращении с определенными военнопленными исследуется в контексте определенных социальных отношений в США.

Форма и практика – Gouvernamentalité – между внутренним и внешним руководством

В продолжение идей Альтюссера Фуко разработал свой концепт *Gouvernamentalité*. Он означает технику управления, которая одновременно характеризуется внутренним и внешним руководством. Она описывает конкретные практики управления и социальные и дискурсивные формы, посредством которых эти практики «информируются». Этот способ управления характеризуется тем, что он накладывается на индивида не только в качестве внешнего принуждения. Это по большей части практика власти, которая интериоризируется настолько, что каждый будет наблюдать за самим собой, «каждый будет осуществлять подобное наблюдение над самим собой и против самого себя» [14, с. 233]. В своем обсуждении *Gouvernamentalité* Фуко в основном говорит не о причинах управления, но о том, как оно функционирует. *Gouvernamentalité* означает некий способ мышления, который способен сделать возможной и осуществимой на практике форму управления, как для своих пользователей, так и для тех, против кого она используется. Дискурс-анализ как социо-анализ исследует на макроуровне, каким образом эти рациональности и порядки организации мышления производятся, и на микроуровне – как они воспроизводятся и перемещаются посредством социальных и языковых практик, а также – как они достигают уровня телесных эффектов: «Отношения власти проходят внутрь тела», они в прямом смысле «инкорпорируются». А далее посредством этих практик элементы реальности приводятся во взаимное движение: «... необходимо учитывать взаимодействие между этими двумя типами техник – техниками подчинения и техниками себя. Нужно учитывать те точки, в которых техники господства одних индивидов над другими встраиваются в процессы воздействия

индивидов на самих себя. И наоборот, следует учитывать те точки, в которых техники себя интегрируются в структуры принуждения или господства. Точка соприкосновения, в которой принуждение одних индивидов другими связывается с их поведением в отношении себя, и есть, на мой взгляд, то, что мы называем правлением» [13, с. 203].

Такие практики управления могут при этом пониматься как практики, в которых диалектические отношения между самоуправлением и управлением другими, между дискурсивной формацией и социальной формой, также как и между дискурсивной и социальной практикой, показывают себя как процессы власти, как отношения господства.

Также и для дискурса нации на макроуровне, ссылаясь на Харриса, можно установить, что вплоть до языка ни одно политическое требование не обходится без ссылки на это отношение господства: «Национализм задает рамки и обеспечивает язык почти для всего политического обсуждения» [11, с. 169]. Это утверждение указывает на микроуровень самоуправления, о котором Майкл Биллинг – не называя его – пишет: «национальная идентичность в развитых странах запоминается, потому что она встроена в рутину жизни, которая постоянно напоминает, или “флагирует”, государственность. Тем не менее, эти напоминания, или “флагируются”, настолько многочисленны, и они являются такой знакомой частью социальной среды, что они скорее действуют бездумно, чем осознанно» [11, с. 38]. Насколько господствующим является этот дискурс на микроуровне показывает пример инкорпорации национального дискурса. Эти практики могут быть настолько интериоризированы, что становятся собственной природой, частью Я, структурируют собственные действия и собственное восприятие индивида. Наиболее эффективен национальный дискурс в том случае, когда он настолько же материализуется, насколько и инкорпорируется – он воспринимается естественно, как часть собственного естества.

Таким образом, целью дискурс-анализа как социо-анализа является объяснение того, как дискурсы – национальные дискурсы – функционируют и откуда берут свое начало, посредством исследования дискурсивных формаций и раскрытия конкретных дискурсивных и социальных практик, которые содействуют воспроизведению дискурсивных формаций, а также исследования отношения макро- и микроуровней, отношений принуждения и господства и их инкорпорации.

Дискурсивные практики и производство пространства

Исходя из изложенного выше теоретического базиса, мы делаем вывод, что дискурс-анализ может внести весомый вклад в исследование производства конкретного пространства. Пространство при этом понимается как продукт социальной практики и как выражение существующих общественных отношений. Воспроизводство общественных отношений вплетено посредством социальных и, прежде всего, дискурсивных практик в производство господства и во многих отношениях переплетено с воспроизводством социального и пространственного неравенства. Неравные общественные отношения продуцируют пространства неравного развития. В то же время они всегда являются спорными, то есть подлежащими обсуждению и изменению в различных формах повседневной социальной практики. При производстве пространства дискурсивные практики тогда играют особую роль, когда они содействуют воспроизведению общественных отношений власти. В этом случае они состоят в отношениях взаимной поддержки с господствующими пространственными структурами, которые из них же возникают и при их посредстве производятся. В частности, они играют центральную роль при символическом присвоении и производстве пространств.

Ярким примером может служить уже неоднократно упоминавшееся «воображаемое политическое сообщество» нации [2, с. 15], которая «воображается ограниченной, потому что даже самая крупная из них, насчитывающая, скажем, миллиард живущих людей, имеет конечные, хотя и подвижные границы, за пределами которых находятся другие нации» [2, с. 19]. Этот специфический способ, каким организовано господство в нации, а именно пространственно, в форме господства над четко ограниченной территорией, является чем угодно, но не самоочевидной и не единственной формой осуществления государственной власти. Поскольку историческая основа территориально представляемой (воображаемой) и производимой нации создает государство как особую форму господства [15, с. 68], которая

отделяет членов нации от «чужих» посредством территориального разграничения, то есть посредством производства пространства, значит исторические корни национализма и всех других форм чувства принадлежности к определенному пространству следует искать в разделении общества на классы и по половому признаку, а также в постройке государства, посредством которого господствующий класс может господствовать. Современная нация как территориальное образование является продуктом социальных и дискурсивных практик. Как социальная форма оно способствует стабилизации дискурса единства национального государства. Четко определенные территориальные границы позволяют нации предстать в качестве естественно образованного феномена и маскируют тот факт, что она производится посредством социальных и дискурсивных практик и постоянно реактуализируется.

Потенциал дискурс-анализа как способа исследования социальных процессов

Идеологии и дискурсивные формации поддерживают неравные общественные отношения господства или динамические властные отношения. В рамках данного исследования речь по большей части идет не о том, в какой степени отражаются в языке общественные отношения власти или господства, но о том, как трансформируется социальное пространство посредством господствующего лингвистического определения того, что дискутируется, что мыслится и что является истиной, как воспроизводятся, поддерживаются и трансформируются дискурсивные практики. В частности речь идет о том, как на основе дискурсов посредством дискурс-анализа продемонстрировать переломы и социальные противоречия, а также вскрыть существующие отношения власти или завуалированные отношения господства.

Подобно тому, как общественные отношения могут трансформироваться посредством изменения конкретных социальных практик, так же и дискурсы могут сдвигаться посредством постоянного повторения, то есть они могут изменить свой смысл, свое значение. К этому процессу относятся работы Деррида о том, что системы репрезентации не являются фиксированными, но из-за изменения (сдвига) значения знаков со временем могут изменяться. Это сдвинутое (измененное) повторение Деррида называет итерацией. Посредством дискурс-анализа можно проследить сдвиги значений в тексте, которые указывают на общественные изменения или ведут к пониманию становления лингвистических или социальных порядков, что Фуко называет «генеалогией дискурса».

Это значит, что дискурс-анализ может работать параллельно с оспариванием господствующего, наглядно проявляющего дискурса, а также приводить в движение устоявшие дискурсивные порядки. Такое приведение в движение устоявшихся господствующих дискурсивных и социальных структур Деррида обозначает термином деконструкция: «Деконструкция заключается не в переходе от одной концепции к другой, но в перевороте и смещении концептуального порядка, а также неконцептуального порядка, по отношению к которому концепт себя артикулирует» [4, с. 369]. Деконструкция, таким образом, всегда обозначает ломку дискурса изнутри, поворот собственной логики против себя же, что является возможным, так как в нем отражается противоречивость становления общества (социализации). Раскрытие дискурсивных правил, которые конституируют и поддерживают дискурс, является задачей дискурс-анализа как социо-анализа, реализация которой может привести к обнаружению возможности деконструкции этих правил. Разоблачение дискурса как конструкции может означать ослабление власти, которая из него исходит. Следовательно, может случиться так, что деконструкция дискурса захватит саму себя и обернется против нее самой. Деконструкция всегда нацелена на «сдвиг» дискурсивных границ и, вместе с тем, господствующего общественного порядка.

Если она при этом принимает во внимание выше описанную связь дискурса и общественных отношений, и редуцирует общество теоретически или в конкретном исследовании только к лингвистическому уровню, то в этой форме? нацеленной на непрерывную денатурализацию критики есть какой-то слепой естественный прирост. Потому что на уровне языка каждое высказывание может обновляться снова и снова, «деконструироваться», нет никаких указаний для того, какова должна быть деконструкция, то есть какой (предполагаемый) сдвиг значения является значимым, а что представляет собой всего лишь шалость. Только возврат деконструированного дискурса к общественным отношениям, из которых он происходит, предоставляет масштаб способа и степени

фактического сдвига значения. Только тогда, когда с деконструкцией господствующего дискурса произойдет слом и сдвиг (разлом и изменение) устоявшихся господствующих социальных практик, появится эмансипирующий момент критической науки. Подход, чья критика остается на исключительно языковом уровне, может только содействовать воспроизведению отношений на более высоком уровне.

Таким образом, для дискурс-анализа необходимой является не только теория дискурса, но социальная теория, которая объясняет власть и функции дискурсов. Дискурс-анализ в данном случае исследует использование языка как социальную практику, при этом он не должен ограничиваться лингвистикой, но должен быть «трансдисциплинарным» [12, с. 76], работать с социальными науками и, когда речь идет о производстве пространства, с географией. В последнем названном отношении он должен принимать во внимание диалектические отношения общества, производства идеологии и дискурса, в том числе производства пространства. Таким образом, дискурс-анализ исследует использование языка как социальную практику и постоянно спрашивает, как эта практика вплетена в производство и воспроизводство господствующих и идеологических структур, то есть как она способствует поддержанию асимметричных отношений власти. В контексте географического или другого исследования, нацеленного на производство пространства, он также рассматривает отношения конкретных дискурсивных практик, а также идеологического и господствующего производства пространства. Важным в рамках дискурс-анализа является не оставаться при его использовании только на уровне анализа корпуса текстов, но принимать во внимание конкретные общественные отношения и силы, которые структурируют поле высказываний в данном корпусе.

Дискурс-анализ по большей части должен быть нацелен на гармонизацию властных отношений в социуме, снятие политической и идеологической конфронтации – ведь назревающие радикальные действия можно предвидеть, анализируя дискурсивные практики и связанные с ними недискурсивные события. Настроения общества наилучшим образом отражаются именно в том, о чем говорится. Поэтому анализ и синтез дискурсивных пространств может позволить не только гармонизировать отношения групп, классов и других общностей внутри нации, но и минимизировать их манипулятивное использование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты : [электронный ресурс] / Л. Альтюссер ; [пер. с фр. С. Рындина]. – М. : Неприкосновенный запас, 2011. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; [пер. с англ. В. Николаев, С. Баньковская]. – М. : Кучково поле, 2016. – 416 с.
3. Грамши А. Тюремные тетради : [электронный ресурс] / А. Грамши ; [пер. с ит.]. – Режим доступа : <http://www.civisbook.ru/files/File/Gramshi,tetrad.pdf>.
4. Деррида Ж. Подпись, событие, контекст / Ж. Деррида ; [пер. с фр. Кралечкина] // Деррида Ж. Поля философии : [сборник работ]. – М. : Академический проект, 2012. – С. 349–372. – (Философские технологии).
5. Маркс К. Капитал : [т. 1] / К. Маркс ; [пер. с нем.]. – М. : АСТ, 2001. – 565 с.
6. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс ; [пер. с нем.] // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Второе издание : [в 50-ти т. ; т. 13]. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. – С. 5–9.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс; [пер. с нем.] // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Второе издание : [в 50-ти т. ; т. 3]. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – С. 7–544.
8. Фуко М. Археология знания / М. Фуко ; [пер. с фр. М. Ракова и А. Серебрянникова]. – СПб. : Гуманитарная академия, 2012. – 416 с.
9. Balibar E. Die Nation-Form: Geschichte und Ideologie / E. Balibar // Balibar E., Wallerstein I. Rasse – Klasse – Nation. Ambivalente Identitäten. – Hamburg ; Berlin : Argument. – S. 107–130.
10. Berger P. Reification and the sociological critique of consciousness / P. Berger, S. Pullberg // History and Theory. – Middletown : Wesleyan University, 1965. – Vol. 4. – № 2. – pp. 196–211.

11. Billig M. Banal Nationalism / M. Billig. – London : Sage, 2010. – 208 p.
12. Fairclough N. Discourse as social practice / N. Fairclough // Critical discourse analysis: Critical concepts in linguistics / [ed. by Toolan M.]. – London ; New York : Routledge, 2002. – pp. 1–22.
13. Foucault M. About the beginning of the hermeneutics of the self: Two Lectures at Dartmouth // Political Theory. – Vol. 21. – № 2 (May, 1993). – pp. 198–227.
14. Foucault M. Das Auge der Macht / M. Foucault // Foucault M. Dits et Écrits. Schriften 1976–1979. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 2003. – Bd. 3. – S. 250–272.
15. Hirsch J. Materialistische Staatstheorie. Transformationsprozesse des kapitalistischen Staatensystems / J. Hirsch. – Hamburg : VSA, 2005. – 256 s.
16. Lefebvre H. Soziologie nach Marx / H. Lefebvre. – Frankfurt : Suhrkamp, 1972. – 160 s.
17. Paschukanis E. Allgemeine Rechtslehre und Marxismus. Versuch einer Kritik der juristischen Grundbegriffe. Erste dt. Ausgabe / E. Paschukanis. – Wien : Verlag für Literatur und Politik, 1929. – 202 s. – (Marxistische Bibliothek ; Band 2).
18. Poulantzas N. Staatstheorie. Politischer Überbau, Ideologie, Autoritärer Etatismus / N. Poulantzas ; [mit einer Einleitung von Alex Demirović, Joachim Hirsch und Bob Jessop]. – Hamburg : VSA, 2002. – 296 s.

УДК 159.9:316.6

*Коробкина Т. В., Гусаченко В. В.
Харьковский национальный университет радиоэлектроники
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина*

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Статья рассматривает особенности невербальной коммуникации в условиях современного общества. К формам невербального общения относят параязык, зрительный контакт, выражение лица, позу, жесты, прикосновения, проксемику, одежду и пр. Несмотря на то, что невербальные формы общения в основном носят подсознательный характер, они могут использоваться для передачи информации любой степени важности. С помощью невербальных сигналов наше общение может усложняться и достигать такого уровня понимания, который недоступен для вербальной коммуникации. Авторы приходят к выводу, что роль невербальной интеракции в общении увеличивается.

Ключевые слова: коммуникация, вербальная интеракция, невербальная интеракция.

Стаття розглядає особливості невербальної комунікації в умовах сучасного суспільства. До форм невербального спілкування відносять парамову, зоровий контакт, вираз обличчя, позу, жести, дотики, проксемику, одяг тощо. Незважаючи на те, що невербальні форми спілкування переважно мають підсвідомий характер, вони можуть використовуватися для передачі інформації будь-якого ступеня важливості. За допомогою невербальних сигналів наше спілкування може ускладнюватися і досягати такого рівня розуміння, який є недоступним для вербальної комунікації. Авторі доходять висновку, що роль невербальної інтеракції у спілкуванні збільшується.

Ключові слова: комунікація, вербальна інтеракція, невербальна інтеракція.

The article considers the features of non-verbal communication under the conditions of the modern society. The forms of non-verbal communication include paralysis, eye contact, facial expression, posture, gestures, touches, proxemics, clothes, etc. Although non-verbal forms of communication are mostly of a subconscious nature, they can be used to convey information of any importance. With the help of non-verbal signals, our communication can become complicated and reach a level of understanding that is not available for verbal communication. The authors come to the conclusion that the role of non-verbal interaction in communication increases.

Keywords: a communication, verbal interaction, nonverbal interaction.